

БОГ

Рассвет над Турцией.

В утренних сумерках далеко разносятся голоса муэдзинов. Тысячи минаретов над куполами тысячей мечетей пронизывают иглами силуэты турецких городов и сел. И с каждого, где живым голосом, а куда чаще — в радиозаписи, правоверных призывают поклониться Богу.

Утренний намаз в мечетях: хором звучит по-арабски мусульманская молитва.

Но и утренняя молитва в стамбульской синагоге: в ответ на возглас раввина слышен распев на иврите.

Но и стройное пение православного хора — в патриаршей церкви Фенер, над Золотым Рогом.

Рассвет над Турцией. В 3-х километрах от Киликийского побережья Средиземного моря, где-то близ Аданы, наши Ведущие стоят возле обычного дорожного знака на шоссе.

Обычного, да не совсем: указатель в левую сторону «Рай», а в правую — «Ад». Куда идти?

Нет, мы не шутим: такой знак и впрямь стоит на шоссе. Понятно, что в Ад никому не хочется. Но каждому ли дано попасть в Рай?

— Что надо сделать, чтобы попасть в Рай? Что надо сделать?

Напрасно Ведущая, повторяя, ждет ответа. Оракул в храме Аполлона в Роце Дафны, под Антакьей, замолчал уже давно. Говорят, после того, как рядом с ним похоронили христианского епископа.

Шелестят листвою немногие оставшиеся деревья Роцы. В кустах, прикрывающих руины языческого храма, над некогда священным ручьем — следы пикника: пластмассовые пакеты, одноразовая посуда.

Когда в 362 году тело епископа выкопали по приказу императора Юлиана-отступника, решившего вернуть язычество, христиане не остались в долгу. Наутро они сожгли храм.

В комбинированном кадре полыхает роца. Кому была польза от этого поджога?

Вот кресты, пропаланные на колоннах другого храма Аполлона, другого оракула — в Дидимах. Новообращенные христиане мстят римско-греческому язычеству!

Так зарождается нетерпимость.

Это еще что! По всему древнему городу Сиде, на берегу Средиземного моря, разбросаны обезглавленные античные статуи. Землетрясение? Нет, сокрушение языческих идиолов: Невежественные неопиты в ярости не замечают, что варварски уничтожают прекрасное.

Рассказывают, их вдохновила на это проповедь апостола Павла, исшедшего — пока не уплыл в Рим — всю Малую Азию, год за годом проповедуя новое учение.

Вот дом в Тарсусе, где, по преданию, он родился. «Святой колодец», из которого он пил и вода которого стала чудотворной. Вот «Райская пещера», где первых христиан-покойников не хоронили в земле, чтобы душе легче было улететь в рай.

Вот вечные плиты старых римских дорог, по которым мерил пешком недюжинные версты молодой уже апостол.

В этой деревеньке Ялвач (когда-то Антиохии Писидийской, столице) он произнес первую проповедь — увы, безуспешно. Иудеи выгнали Павла из города.

Пока мы идем путями святого Павла, звучат за кадром слова из его писем, строки Нового Завета, «Письмо галатам»? Или лучше «Письмо эфессянам»?

Да, да, вот здесь в Эфесе, в 53 году нашей эры, он основал Эфесскую церковь. Он ходил по этим улицам, мимо этих колоннад и барельефов и сеял зерна истины. Так думал он, но не так думали горожане.

Их богиней была Артемида: вот та, что сейчас перед нами. Богиня — из камня, а ювелир Деметриус наладил производство ее маленьких статуй — из серебра. Товар шел бойко, богиня нужна в каждом доме. А этот чужестранец своей болтовней подрывал коммерцию!

Слышите гул толпы, крики, хор голосов? На древнегреческом они скандируют: «Великая Артемида Эфесская!» Античный театр Эфеса — перед нами его гигантский цирк — вмещал 24 тысячи людей. Они заполнили эти скамьи, чтобы защитить свою веру.

Веру или бизнес хитрого ювелира?

Толпа не сыскала святого Павла, в храм приволокли его друзей. Но потом Павла нашли и судили, и вон там, на холме, прямо в створе Портовой улицы, уходящей вдаль между сохранившимися колоннами, видна «Темница Святого Павла».

Бог милостив, и на сей раз заключение было недолгим. Христианство все равно

У проекта пока нет ни копейки за душой, но есть идеи, волнения, философия и фантазия, частично зафиксированные и на бумаге, и на любительских кино- и фотокадрах. С Чрезвычайным и Полномочным послом господином Океевым, с его дочерью Алимой — режиссером и блестящим драйвером, с молодым оператором Володей Баштой, благодаря поддержке нашего продюсера Ермухана Бекмаханова, мы почти месяц колесили по Турции. Потом осмыслили

Фрагмент проекта двенадцатисерийного цикла «Мост» (видео, 6 часов) мы и предлагаем вашему вниманию. Проекту, конечно, необходимы сторонники и помощники. Ау, где вы?

Леонид ГУРЕВИЧ

Год назад член жюри XXI Московского Международного кинофестиваля, народный артист СССР Толомуш Океев, встретив меня в Манеже, после взаимных объятий и похлопываний, сразу сказал: «Давай, какое-нибудь кино вместе сделаем!»

— Давай! — ответил я, не задумываясь, потому что господин народный артист более сорока лет был и остался моим товарищем и замечательным мастером, с которым мы вместе входили в кино в начале 60-х, в эпоху «киргизского чуда».

За прошедший год мы кое-что успели. Придумали про что и как делать кино под названием «Мост». Оно будет о... Турции. Нет, не так: о Турции и России. И еще раз не так: оно будет о вечном. О Боге и Земле, Любви и Воине, Красоте и Власти, о невозможности выжить в мире XXI столетия без терпимости и взаимопонимания. Без единения.

одержал победу в Эфесе через десяток-другой лет. Но злора и нетерпимость достали апостола. По повелению Нерона через 4 года его растерзали в Мамертинской темнице в Риме.

И вот его гробница в прекрасной церкви святого Павла за древней римской стеной.

Пусть простят нас за кощунство. Но не достал ли святого Павла бумеранг его яростных проклятий в адрес язычников?

Нет, мы не стремимся выбрать, какая религия лучше. Мы выбираем толерантность. Спор вместо убийств и мученичества. Дискуссию вместо гонений.

Мистический и прекрасный пейзаж Каппадокии: изрезанные пещерными ходами и лазами бело-желтые скалы, зияющие темными провалами «оконов». Странные и прекрасные творения ветра, воды и людей.

Эти пещеры строили изгнанники, беженцы, преследуемые так или иначе поборники христианства. Они создавали здесь пещерные церкви.

Вот эту, по преданию, основал, выбил в стене, другой апостол — Святой Иоанн Евангелист. Нижний этаж хранит на себе отпечаток глубокой древности; великолепные фрески верхнего — уже византийское время. С IV века, с тех пор, как первый император Константин отказался от языческого многобожия, Византия стала христианской страной. Но новую веру надо было отстаивать.

Видите этот подземный лаз? Протиснемся через него наружу — это потайной выход: бежать от опасности.

В восьмом веке сюда бежали от арабского нашествия. Монахи Каппадокии пережили гонителей.

В двенадцатом веке здесь скрывались от турков-сельджуков: православная вера жила еще почти двести лет после их нашествия.

Хлопанье голубиных крыл и воркование птиц в гулких скальных храмах. Удивительной красоты и благородства фрески в бликах света, падающего сквозь отверстия в скале.

Время не властно.

Но кто-то властен: смотрите, как выцарапаны глаза у святого Георгия, как обезображены лица у других святых в большой пещерной церкви! Кто-то безжалостно скреб фрески.

Помните отбитые головы и кресты на языческих храмах?

Бумеранг возвращается. И чего тут больше: темноты и невежества или злобы?

Неужели невозможно иначе?

Под заунывный напев флейты кружатся, кружатся в танце одетые во все белое дервиши. Все звонче флейты, все быстрее вращение, все больше экстаза в фигурах и на лицах кружащихся. «Сема» — радение, единение с Богом в танце дервишей из обители Мевляны. Мевляной называли турки выходца из Хоросана Джелаледдина Руми. Поэт и философ, он говорил по-турецки, писал на персидском, фамилией-псевдонимом («руми» — грек) подчеркнул свое отношение к христианству. Он был человеком Мира, и здесь в его обители проповедовали терпимость и просвещение.

На миниатюрах — портрет Руми. В подлиннике и переводе звучат его стихи. Его гробница, покрытая зеленым покрывалом с белой чалмой в изголовье, прекрасна.

Другая гробница в другом монастыре. Три

сотни километров — большое расстояние для XIII века, география отнюдь не та же самая. Но то же самое время и то же самое движение ума и сердца.

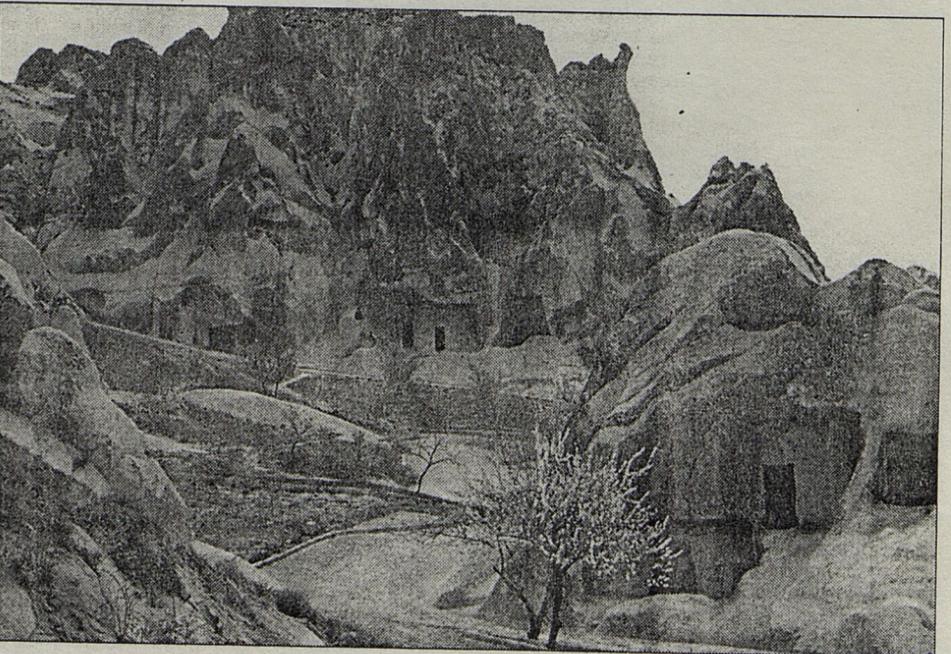
Женщины молятся у гробницы Ходжи Бекташи, основателя ордена дервишей — священнослужителей янычар.

Тихие и скромные залы мечети, уютный двор, цветы, фонтан (куда просят не бросать деньги в гигиенических целях). Трапезная и кухня с огромными котлами. Зал собраний 12-ти имамов, восседавших на шкурах джейранов и леопардов.

Но что это: картины? Изображение людей на стенах мечети? Куда смотрят ревнители ислама?

На одной из картин — основатель ордена Ходжа Бекташи. И на руках его — львенок и ягненок. Друг против друга. Разве нет тут ответа на все вопросы?

Стихает флейта, замедляется танец дервишей Мевляны. Мы снимаем его в Конье — мусульманском центре Анатолии. Прекрасные мечети Коньи хранят память о ее оби-

Журан и сцена —

тателях, священниках-суфиях, создавших особое направление в мусульманстве.

Реджеп Гювелиоглу, религиовед и литератор, рассказывает нашему Ведущему о сути этого направления. На его столе книги, репродукции: разговор обретает зримость.

Монастырь построили намеренно неподалеку от тысяч христианских церквей в пещерах Каппадокии. Но не для того, чтобы уничтожить христиан, а чтобы противопоставить им иную веру. Здесь хранили толерантность не только к другим религиям, но и к разным ветвям ислама.

Реджеп-бей говорит о первых шагах на пути равенства женщин: их присутствию на молебнах. Об отказе от религиозного фанатизма, об единении религии и просвещения. Сегодня, во времена тупого фанатизма талибанов или иранских ортодоксов, легко подумать, что ислам вообще враг науки и просвещения. Ничего подобного! Лучшие умы мусульманства проповедовали единение веры и просвещения. Они стремились соединить веру и искусство, молитву и музыку, Коран и поэзию, религиозное погружение и экстаз танца. Не религиозную отрешенность, а гармоническое развитие личности проповедовал Ахмед Ясеви и вслед за ним Юнус Эмре, Джелаледдин Руми.

— Но если это было такое прогрессивное явление, почему же Ататюрк закрыл монастырь в 1925 году, — спрашивает Ведущий. — Кому и чему он мешал?

В кинохронике и фотографиях — выступления Ататюрка. Его указы об отмене халифата в Турции, об отделении религии от светского государства, о запрете мусульманских браков — мы слышим отдельные цитаты из этих постановлений.

— Тебе, не турку, это трудно понять, — вступает Ведущая. — Мустафа Кемаль Паша боролся не с исламом, а с тем местом, какое занимало духовенство в жизни общества. Ататюрк как раз утверждал те самые принципы, что провозгласили просветители-суфии. От них идет его стремление уравнивать права верующих и неверующих. В правилах ордена Мевляны или Ходжи Бекташи первый президент находил опору для своего призыва к свободомыслию, к овладению культурой, к европеизации страны.

— Не переборщил ли он все-таки? — сомневается Ведущий. — Такой поворот в стране, где 80 тысяч мечетей и 99 процентов верующих?

— Но ведь никто не мешал сегодня верить в Аллаха и пророка. Да и монастыри не просто закрыли: их превратили в музеи. И никто не запрещает почитателям ордена праздновать его юбилей.

14-й день августа в Хаджибекташе. Народный праздник. Дымятся котлы с угощением. Танцуют дервиши, разносится музыка, летят монеты в фонтан. Сотни нарядных людей во дворе монастыря возносят молитву.

Другой праздник, другая литургия, 15-й день августа в Эфесе: день Успения Божьей Матери. Сотни торжественно одетых людей собрались на взгорье под тенистыми деревьями возле Дома Девы Марии. Не угасает предание, что именно здесь, в этом скромном доме (сегодня здесь часовня) провела она свои последние годы. И здесь же скончалась в августовский день. Сюда ее привел, спасая от кровавых гонений на христиан в Иерусалиме, апостол Иоанн. Согласно Евангелию Христос с креста попросил его заботиться о матери, и Святой Иоанн выполнил его волю.

Голос священника произносит фразу из Евангелия: «се мать твоя».

Горят поминальные свечи, вьется дымок ладана. На стенах часовни — костыли, отброшенные, по преданию, теми, кто исцелился здешней волшебной водой. Трогательные детские ботиночки-протезы: где легко и свободно ходит их бывший владелец?..

Можно не верить чудесам, можно оспаривать предания... Но тысячелетиями люди всех племен нуждались в защите и обрели ее в Боге. Так зачем же делить Богов?

С горы, где нашла последнее прибежище Дева Мария, хорошо видна — рукой подать — другая гора: холм под крепостью Сельчук. У ее подножия — античные руины.

Мы найдем среди них усыпальницу Святого Иоанна. Проповедуя христианство, он еще долго странствовал по Анатолии от Каппадокии до Эгейского побережья, а покой свой нашел, недолгое время спустя, неподалеку от Девы Марии. Здесь в Эфесе он завершил свой труд «Евангелие от Иоанна», здесь в Эфесе и скончался.

Четыре колонны и скромная плита. Конечно, нет в ней той торжественности, того величия, что окружает гробницу святого Павла в Риме.

Но ведь был и над этой усыпальницей грандиозный храм. Даже сегодня по остаткам колонн и стен можно понять, как великолепен он был. Со всего античного мира

стекались паломники в грандиозную церковь Святого Креста, построенную византийцами в VI веке. Если взглянуть, на мраморе колонн можно увидеть монограмму основателя храма — императора Юстиниана.

И вот этот потрясающий храм — Святую Софию в Константинополе возвел Юстиниан. Вот к этой колонне, в этом месте, он прислонял лоб, когда болела голова: говорят, помогал.

Вот эти мозаики над порталами он видел так же, как видим их сейчас мы. Правда, время потрудились над ними — многие потускнели, поблекли. Но ведь сохранились же!

— Как же они могли сохраниться, если османы превратили христианский храм Константинополя в Стамбульскую мечеть? — недоумевает Ведущий.

И в самом деле, как уцелел храм, в который 1 июня 1453 года на белом коне, вот через этот портал, въехал султан Мехмет II Завоеватель?

И как уцелели мозаики, когда от века мечети не знали портретов на своих стенах?

Помните выпарапанные глаза на каппадокийских фресках?

Оценим же силу уважения к труду и искусству иконописцев, оценем вневременный смысл терпимости, проявленной победителями-турками.

Пусть поможет нам компьютерная технология, и мы оценим с ее помощью ту простую и великую идею, что спасла искусство: победители просто побелили мозаики, закрасили белым. Когда в середине 30-х по указу Ататюрка мечеть в святой Софии превратили в музей, белила просто отмыли!

Терпимость и уважение одинаковы, кто бы ни проявлял их: султаны и муфтии или простые люди любых исповеданий. На одном из эфесских холмов, среди высоких зонтиков-кустов и масличных деревьев, почти затерялись руины церкви Св. Спиридиона. Возле развалин христианской церкви растет дерево, сплошь обвешанное белыми и цветными ленточками: традиционный мусульманский обычай для святых мест. А может быть, этот обычай и языческий? Неважно. Важна преемственность свято-сти, идея обращения к единому Богу, какая ни была бы конфессия.

Помните льва и ягненка в одних руках? Увы, мир знает и другие способы «выяснения отношений».

Сквозь колеблемые ветром ленточки, свисающие с ветвей, проступают в медленных неумолимых распечатках кадры из разнообразных фильмов о религиозных войнах христиан и мусульман.

Битва с крестоносцами! Суда, идущие на abordаж! Конная атака янычар! Кровь, крики, ярость...

И поверх всего — уже знакомое нам звучание трех молитв, услышанных в начале новеллы. Но на сей раз смятое, перепутанное, разорванное, искореженное в звуковом монтаже.

Молитвы стихают. Исчезают картины боя. И только ветер колышет ленточки на священном дереве.

Именно в этом месте мы дадим слово двум нашим гостям: духовным владыкам мусульманской и православной общин Турции.

Перенимая эстафету друг у друга, они, думается, сумеют найти верные слова в защиту веротерпимости и мира.

Да и как же иначе! Ведь праотец Авраам,

родившийся вот здесь, в турецкой Урфе, был единым родоначальником не одной, а всех трех великих монотеистических религий. Не было 3000 лет назад ни этих минаретов, ни колонн римской Эдессы, а вот эта пещера была. Она так и называется — пещера Авраама. А рядом бассейны со священными карпами — можно их и подкормить, — напоминающие легенду о том, как в спасительную воду и рыб превратился огонь костра и хворост, в который кинул Авраама жестокий царь.

Здесь, в Урфе, «Авраам родил Исаака», а жену для сына его посланник нашел неподалеку, в Харране.

Не среди этих ли нынешних домов-ульев, глиняных сот посреди пустыни, был колодец, из которого Ревекка напоила слугу Авраама? Смерч гуляет по пескам вокруг Харрана: здесь Господь явился Аврааму, чтобы направить его в Палестину, на родину и иудеев, и мусульман, и христиан.

Храмы на турецкой земле. Разные веры — разные храмы.

Мечеть Селима II в Эдирне — мощная и нежная одновременно.

Грузинская церковь в Исхане. Армянская церковь на острове Акдамар. Пещерная церковь Яблока в Каппадокии.

Еще и еще мечети. И вдруг почему-то — православный храм в Москве: прямо среди бетона Нового Арбата. А как же — это храм Симеона Столпника.

А ведь он был в реальности, жил чуть меньше полутора тысяч лет назад и просидел тридцать лет вот на этом столбе — можно трогать — до самой смерти в 459 году. Отсюда, с этого столба, разносились его проклятия отступникам и проповеди веры. Пустыня и столб у сирийской границы.

И снова московская церквушка — в честь Николая Угодника. Любимого русского святого — Николая. Смотрит с православной иконы строгий святой.

А ведь он был, в реальности, жил чуть более полутора тысяч лет назад здесь, близ Демре, на берегу Средиземного моря. Был он епископом в древней Мире и не был строгим, а, наоборот, прославился лаской к детям. Вот как они — живые и гранитные — облепили доколь его статуи в Демре.

Гранитный святой с мешком за спиной, на фоне морской лазури, нехитрым киношным приемом превращается в Санта-Клауса (Николаус!), Деда Мороза, совсем российский: в красном колпаке и красном кафтане под новогодней елкой, на снегу. Неисповедимы пути Господни!

И микеланджеловский Моисей, известный с детства каждому, тоже предстает перед нами, чтобы, «растворившись», скрыться на склоне горы его имени: здесь в Турции, возле Антиохии, есть гора, которая так и называется: гора Моисея, Мусадаг.

Что произошло в библейские времена на этой горе, нам помогут узнать актеры театра теней «Каратегз». Они оживят легенду о встрече Моисея и Хызыра, мусульманского пророка. О том, как спорили они, кто ближе к Богу, и как Хызыр победил в споре, совершив якобы жестокие, но мудрые поступки. И о том, как пророки не поссорились, но разошлись с миром.

От Хызыра осталось вот это могучее дерево в деревушке Хызырбейкея: 35 метров в обхвате, могучее и очень древнее. Говорят, воткнул Хызыр-бей свой посох на этом

месте — и вот результат. И деревенская мечеть рядом. И мусульманство — по всей Анатолии, да только ли ей!

А от Моисея — иудейство по всей земле, и по Анатолии тоже.

В древних Сардах, например, лидийцы чтит иудейскую веру — и вот, в считанных метрах от шоссе на Измир — античная синагога, раскопанная археологами. Мозаика на мраморном полу и стенах, мраморный стол — алтарь. «Несеть для Бога ни эллина, ни иудея» — как сказано в писании.

Здесь, в этой стране, уже много позже, при османах, гонимые иудеи нашли себе приют и гостеприимство, бежав, от преследований в Испании. Османской армией и флотом руководили адмиралы и генералы иудейской веры, и их портреты глядят на нас со стен картинной галереи.

Шумит ветвями дерево Хызыра. Полно, только ли мусульманское оно? Что ни ветвь — то вероисповедание: богато воображение человечества. Но ведь могучий ствол, из которого исходят ветви и к которому по ним опускается камера, — он-то один.

Единый. И заметьте, почти в каждой вере есть Рай и Ад.

Все-таки нашим Ведущим у дорожного указателя необходимо сделать выбор. Понятно, что в Ад никому не хочется. А что в Раю?

452 ступени ведут в глубину красивой пещеры. На дне — часовня, посвященная Деве Марии. Не станем разочаровываться: есть ведь еще и Ад.

Но в Ад — мрачный вход в другое подземелье — никого не пускают. Наверное, не пустят и нас. И правильно сделают.

Говорят, «путь в ад вымощен благими намерениями». Может быть, и так. Но в рай несомненно может привести дорога взаимопонимания, взаимопонимания, терпимости.

В сущности, эти идеалы проповедовало уже на своей заре молодое учение: здесь, в Антиохии. Само слово «христиане» родилось здесь. В этой церкви-гробе первым священником был святой Петр. Отсюда начиналось миссионерство. Отсюда дороги привели апостола Петра в Рим на мученическую смерть рядом с апостолом Павлом. Утренняя служба в гроте святого Петра близ Антакии. Пещерная церковь вмещает немного людей, голоса тихи.

Праздничная служба в римском соборе Святого Петра — центре христианского мира. Радио выносит голоса на площадь перед собором. Службу ведет Папа Римский, помогают кардиналы. Гробница Святого Петра в центре собора. А неподалеку — специально выделенное место для представителей иных религий. И мы видим среди них иудеев и мусульман.

Взлетают и опадают слова торжественной латыни.

Мы вслушиваемся в них — усиленных эхом — теперь уже в просторном и пустом пространстве полуразрушенной греческой церкви на острове Джунда, что рядом с Айвалыком.

Редкое по красоте пространство церкви, прорезанное трещинами (землетрясение), искаженное опавшей штукатуркой и стертymi фресками, величественно и строго, в своей пустоте и простоте. Возвышенно. Потому так по-особому звучат в нем те самые перетекающие друг в друга молитвы, что слышали мы в первых кадрах новеллы.

Сначала, вторя сохранившимся фрескам христианских святых, звучит православный хорал. Но вместе с камерой, поднимающейся вверх, его подхватывает мусульманский напев, иудейский речитатив.

Потом — просто музыка. Мы можем быть атеистами. Но хотим мы того или нет, опорой, объединяющей религии, была, есть и будет насущная потребность человека в Вере, Надежде и Любви.

Будем помнить об этом. Над храмом в Джунде, над островом, над Айвалыкской бухтой, наконец, над Эгейским морем просвечивают, пробиваются сквозь облака лучи закатного солнца.

● Авторы проекта Леонид Гуревич и Толомуш Океев ● Пещерные храмы в Каппадокии ● Античный театр в Пергаме

Фото Владимира БАШТЫ